

«Психологическая газета» продолжает публикацию серии материалов, посвященных лауреатам Национального психологического конкурса «Профессиональные итоги столетия».

Сегодня мы публикуем отрывки из автобиографии Александра Романовича Лурии (номинация «Выдающийся личный вклад в развитие мировой психологии»). Материал публикуется по книге А. Р. Лурии «Этапы пройденного пути. Научная автобиография» под ред. Е. Д. Хомской (Москва, Изд-во Московского университета, 1982 г.)

А. Р. ЛУРИЯ: страницы автобиографии

... Я не получил законченного образования. В 1917 г. я закончил лишь шесть классов восьмилетнего гимназического курса. Почти все, что я могу припомнить сейчас об этих годах формального классического образования, сводится к пяти часам занятий в неделю латинским языком, на которых мы научились писать импровизации на различные темы. Позднее занятия латинским языком оказались полезными, так как помогли мне в изучении английского, французского и немецкого языков.

В 1918 г. я закончил краткосрочные курсы, затем поступил в Казанский университет, где царил невероятный хаос. Двери университетов широко распахнулись перед всеми выпускниками средних школ, как бы плохо они ни были подготовлены. Тысячи молодых людей поступали в университеты, которые с трудом справлялись с задачей их обучения. В те дни не хватало многого. Не хватало профессоров, подготовленных к работе в новых условиях. Некоторые из старых консервативных профессоров были настроены против революции, другие были склонны принять революцию, но не имели ясного представления о ее значении для образования.

... В этих условиях усилились студенческие дискуссии, шли бесчисленные собрания студенческих групп и научных обществ, где живо обсуждалось каким будет общество будущего. Эти дискуссии, касающиеся современной истории, привели также к тому, что я увлекся некоторыми основными проблемами, касающимися роли человека в формировании общества: как возникают социальные идеи? Как они развиваются? Как они становятся движущей силой социального конфликта и социальных изменений?

... В возрасте двадцати лет, когда я завершил свое формальное образование, я начал писать книгу «Основы реальной психологии». Труд так и остался в рукописном виде, и хотя он не имел никакой научной ценности, сам факт, что я отважился его написать, заслуживает упоминания, потому что мои дерзания были типичными для молодежи моего времени.

Типичным было и то увлечение, с которым я занялся

психоаналитическими исследованиями. Прежде всего я организовал маленький психоаналитический кружок. Я даже заказал почтовую бумагу со штампом «Казанская психоаналитическая ассоциация», напечатанным на русском и немецком языках. Затем я отправил информацию об организации этой группы самому Фрейдю и был поражен и обрадован, получив ответное письмо, начинавшееся с обращения «Дорогой господин президент». Фрейд сообщал, что он рад был узнать, что в таком отдаленном восточном русском городе, как Казань, организовался психоаналитический кружок. Это письмо, написанное готическим немецким шрифтом, и другое, санкционирующее русский перевод одной из его небольших книг, находятся в моем архиве.

На ранних этапах работы кружка мы занимались обследованием пациентов Казанской психиатрической клиники, представлявшей собой часть медицинского факультета Казанского университета. Интересно, что одна из пациенток этой клиники оказалась внучкой Федора Достоевского.

Позднее я опубликовал несколько статей, основанных на идеях психоанализа, и даже составил план книги об объективном подходе к психоанализу, которая никогда не была напечатана. В конце концов я убедился, что ошибочно считать человеческое поведение продуктом «глубин» сознания, игнорируя его социальные «высоты».

Когда в 1921 г. я закончил Казанский университет, мой дальнейший путь в науке оставался неясным. Отец убеждал меня поступить в медицинское учебное заведение, но моей основной целью было стать психологом. Я хотел участвовать в создании нового объективного психологического подхода к поведению, к анализу событий реальной жизни. Я остановился на компромиссе – объединить оба пути.

В то время можно было одновременно поступить в разные учебные заведения. Я начал заниматься медициной и закончил два курса медицинского факультета, после чего в моих занятиях наступил перерыв, и возобновил я их лишь спустя много лет. Одновременно я учился в Педагогическом институте и посещал Казанскую психиатрическую клинику.

Несмотря на все эти занятия, в те годы непросто было приобрести опыт профессиональной лабораторной рабо-

ты. Ни в Казанском университете, ни в Педагогическом институте не было психологических лабораторий. Одна из первых психологических лабораторий, основанная В. М. Бехтеревым в Психиатрической клинике Казанского университета, к тому времени закрылась.

... Я воспользовался возможностью осуществить некоторые из моих идей, поступив в качестве лаборанта в Казанский институт научной организации труда, который был организован сразу после революции. Используя старый хроноскоп Гиппа, я начал изучать влияние тяжелой работы на умственную деятельность. Моими испытуемыми были рабочие-литейщики. Я пытался измерить влияние словесных инструкций на время реакции. Это было первой моей попыткой установить роль речи в регулировании времени реакции. Мои результаты оказались поверхностными и не очень интересными, но, пытаясь найти способ их опубликовать, я вступил на путь, который в дальнейшем привел меня в Москву.

Прочитав много трудов В. М. Бехтерева и ознакомившись с широким кругом его интересов, я с моими коллегами решил организовать журнал с надеждой, что В. М. Бехтерев войдет в редакционную коллегию. Мы решили назвать этот орган «Проблемы психофизиологии труда», и меня выбрали для поездки в Петроград, чтобы договориться об участии В. М. Бехтерева.

Моя первая поездка в Петроград стала для меня незабываемой. В. М. Бехтерев, тогда уже старый человек с длинной белой бородой, показал мне свой Институт мозга, который и ныне носит его имя. Я находился под впечатлением его колоссальной энергии и совершенно иного мира науки, отличного от того, что я знал в Казани.

В. М. Бехтерев согласился стать членом редакционной коллегии нашего журнала при одном условии. Мы должны были добавить к заглавию слова «и рефлексологии», что являлось названием, которое он дал психологической системе. Мы охотно согласились, и В. М. Бехтерев стал одним из главных редакторов нового журнала.

В те годы не хватало бумаги, и мне пришлось раздобыть несколько пачек желтой бумаги на мыльном заводе, чтобы напечатать первый номер журнала. Этот небольшой опыт академического антрепренерства имел неожиданный для меня результат – конец моего научного «ученичества» в Казани и приглашение в Москву.

... В 1923 г. профессор К. Н. Корнилов, который только что был назначен директором Московского института психологии, предложил мне стать его сотрудником. Он остановил на мне свой выбор, так как ему нужны были молодые сотрудники, которые занимались бы экспериментальной психологией.

... Ситуация в институте, когда я приехал, была очень своеобразной. Все лаборатории были переименованы так, что их названия включали термин «реакции»: была лаборатория визуальных реакций (восприятие), мнемонических реакций (память), эмоциональных реакций и т. д. Все это имело целью уничтожить какие-либо следы субъективной психологии и заменить ее разновидностью бихевиоризма.

... Наряду с научной работой мне пришлось заниматься и преподаванием, поскольку институт был учебным заведением, подготавливающим психологов. ... Я был не старше моих студентов и знал немногим больше, чем они, поэтому я проводил вечера в подготовке лекций и демонстраций к завтрашним занятиям в надежде, что мне удастся хоть на день опередить моих студентов. В это время я встретился с молодым А. Н. Леонтьевым, с которым в дальнейшем была связана вся моя жизнь.

... Мы с А. Н. Леонтьевым высоко ценили необычайные способности Л. С. Выготского и были очень рады, когда его включили в нашу рабочую группу, которую мы назвали «тройка». Вместе с Л. С. Выготским в качестве нашего признанного лидера мы предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психологическим процессам.

... В то время я занимал пост заведующего лабораторией психологии в Институте коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Привлекая студентов университета, я организовал студенческий психологический кружок, в котором мы обсуждали идеи Л. С. Выготского. Все студенты и коллеги Л. С. Выготского приняли участие в изобретении экспериментальных моделей для анализа «инструментального» поведения.

... В начале 30-х г.г. появилась возможность получить перспективную базу для нашей работы – нам предложили организовать Отделение психологии в Украинской психоневрологической академии в Харькове. Я начал курсировать между Харьковом и Москвой, в то время, как Л. С. Выготский курсировал по треугольнику Москва – Ленинград – Харьков. Именно в Харькове я впервые начал создавать новые методы психологического анализа последствий локальных поражений мозга. Но времени для всего этого не хватало. Я вел это двойное существование до 1936 г., когда и поступил в Медицинский институт, полностью отдавая этим занятиям свое время.

Сразу после сдачи экзаменов в 1-м Московском медицинском институте в 1937 г. я обратился к Н. Н. Бурденко, крупному нейрохирургу, возглавлявшему Институт нейрохирургии (который ныне носит его имя), с просьбой принять меня в институт в качестве ординатора. Мой план заключался в том, чтобы тренироваться в качестве практикующего невролога и одновременно разрабатывать психологические методы диагностики локальных поражений мозга. Не знаю, насколько одобрял мои планы профессор Н. Н. Бурденко, но, очевидно, он считал, что нелишне иметь в ординатуре профессора психологии, и принял меня.

Два года, которые я провел в качестве ординатора в Институте нейрохирургии, были наиболее плодотворными в моей жизни. У меня не было ни штата сотрудников, ни научной ответственности, ничего – кроме повседневной медицинской работы. В свободное время я возвращался к собственным исследованиям. Именно в этот период я начал создавать собственный подход к нейропсихологии локальных поражений мозга.

